

**«ԼՂՀ (ԱՐՑԱԽԻ) 25-ԱՄՅԱ ՊԵՏԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ
ՁԵՌՔԲԵՐՈՒՄՆԵՐՆ ՈՒ
ԱՐԴԻ ՄԱՐՏԱՅՐԱՎԵՐՆԵՐԸ»**

միջազգային երիտասարդական գիտաժողով
15-18 սեպտեմբերի 2016թ.
Արցախ (ԼՂՀ), ք.Ստեփանակերտ

ՆՅՈՒԹԵՐԻ ԺՈՂՈՎԱԾՈՒ

**«25-ЛЕТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НКР
(АРЦАХА):
ДОСТИЖЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ»**

международная молодёжная конференция
15-18 сентября 2016г.
Арцах (НКР), г.Степанакерт

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

ԱԵԳՄՄ-ՕՄՍԱ
ԵՐԵՎԱՆ-ԵՐԵՎԱՆ
2016

*Հրատարակության է երաշխավորվել Ստեփանակերտի Մեսրոպ Մաշտոց
համալսարանի Գիտական խորհրդի որոշմամբ
Рекомендовано к публикации решением Ученого совета
Университета Месроп Маштоц г.Степанакерта*

ՀՏԴ 94(479.25):32.001:342:06
ԳՄԴ 63.3 (53)+66.0+67.400
L 657

Խմբագրական խորհուրդ

ի.գ.դ., պրոֆ., ՀՀ ԳԱԱ ակադ. **Գ.Ս.Ղազինյան** (նախագահ), փ.գ.դ., պրոֆ., ՀՀ ԳԱԱ թղթ. անդամ **Ա.Ս.Սանասյան**, հ.գ.դ., պրոֆ. **Յ.Մ.Ավանեսյան**, պ.գ.դ., պրոֆ. **Վ.Ռ.Բալայան**, ի.գ.դ. **Վ.Վ.Գրուզդե**, ի.գ.դ., պրոֆ. **Ա.Յ.Խաչատրյան**, ք.գ.դ., պրոֆ. **Մ.Մ.Սարգսյան**, ք.գ.դ. **Ս.Ս.Մինասյան**, տ.գ.դ., պրոֆ. **Յ.Լ.Սարգսյան**, պ.գ.թ., դոց. **Ն.Է.Բաղդասարյան**, ք.գ.թ., դոց. **Խ.Ս.Գալստյան**, տ.գ.թ., դոց. **Ե.Ռ.Հայրիյան**, ի.գ.թ. **Ա.Յ.Հարությունյան**, ի.գ.թ., դոց. **Ա.Ա.Սանասյան**, ի.գ.թ., դոց. **Ս.Գ.Պետիկյան**

Редакционная коллегия

д.ю.н., проф., акад. НАН РА **Г.С.Казинян** (председатель), д.ф.н., проф., член кор. НАН РА **А.С.Манасян**, д.п.н., проф. **Г.М.Аванесян**, д.и.н., проф. **В.Р.Балаян**, д.ю.н. **В.В.Груздев**, д.ю.н., проф. **А.Г.Хачатрян**, д.п.н., проф. **М.М.Маргарян**, д.п.н. **С.М.Минасян**, д.э.н., проф. **Г.Л.Саргсян**, к.и.н., доц. **Н.Э.Багдасарян**, к.п.н., доц. **Х.С.Галстян**, к.э.н., доц. **Е.Р.Айриян**, к.ю.н. **А.Г.Арутюнян**, к.ю.н., доц. **А.А.Манасян**, к.ю.н., доц. **С.Г.Петикян**

L 657 «ԼՂՀ (Արցախի) 25-ամյա պետականության ձեռքբերումներն ու արդի մարտահրավերները» միջազգային երիտասարդական գիտաժողովի կյութերի ժողովածու – Եր.: ԱԵԳՄՄ, 2016, 320 էջ:

Ժողովածուում ներառված են «ԼՂՀ (Արցախի) 25-ամյա պետականության ձեռքբերումներն ու արդի մարտահրավերները» խորագրով միջազգային երիտասարդական գիտաժողովի կյութերը:

В сборнике включены материалы международной молодежной научной конференции «25-летие государственности НКР (Арцах): достижения и современные вызовы».

ՀՏԴ 94(479.25):32.001:342:06
ԳՄԴ 63.3 (53)+66.0+67.400

ISBN 978-9939-1-0465-2

© Արցախի երիտասարդ գիտնականների և
մասնագետների միավորում, 2016

НЕКОТОРЫЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ «АПРЕЛЬСКОЙ ЭСКАЛАЦИИ» 2016 Г. В НАГОРНОМ КАРАБАХЕ

Сергей МИНАСЯН
*Заместитель директора
Института Кавказа, д.п.н.
sergev@c-i.am*

В ночь с 1 на 2 апреля 2016 г. Азербайджан инициировал самую масштабную военную эскалацию с момента заключения в зоне карабахского конфликта в мае 1994 г. трехстороннего перемирия о прекращении огня. Сложно утверждать, что было решающим для военно-политического руководства Азербайджана при принятии данного решения. Скорее всего, к этому привел синтез целого ряда факторов и причин: от финансово-экономических проблем (на фоне резкого падения цен на нефть, с соответствующим влиянием на внутриэкономическую и общественно-политическую ситуацию в Азербайджане) до сложного регионального контекста. Например, официальные валютные резервы Центробанка Азербайджана к началу 2016 г. упали до 5 млрд долларов (тогда как годом раньше насчитывали примерно 15 млрд долларов), и на поддержание курса маната было потрачено порядка 60% имеющихся золотовалютных резервов ЦБ, тем не менее, не предотвративших двойную девальвацию азербайджанской валюты в 2015 г. Достаточно напряженный внешний геополитический фон в регионе Южного Кавказа также создал благоприятную почву для апрельской эскалации в Нагорном Карабахе.

I

Можно предполагать, что политическое решение о масштабной военной операции в Нагорном Карабахе было принято в Баку как минимум за несколько недель до апрельской эскалации. Непосредственно приказ о начале операции был дан Ильхамом Алиевым по завершению его визита в Вашингтон в самом конце марта 2016 г., где он участвовал в глобальном ядерном саммите. Там же И. Алиев встретился с президентом Турции Р. Эрдоганом, что, не исключено, также сыграло свою роль в обострении ситуации. Тем более что азербайджанское руководство никогда и не скрывало того, что стремится к военному решению конфликта.

Есть основания предполагать, что если даже в планах Азербайджана и была попытка полномасштабного «блицкрига», то лишь в случае успешного прорыва первой оборонительной линии карабахской армии. Иначе азербайд-

жанская армия должна была более активно использовать артиллерию и авиацию по всей глубине карабахской территории еще с самого начала утра 2 апреля, в том числе и по Степанакерту (исходя из опыта боевых действий 1990-х гг., когда столица НКР регулярно подвергалась ракетно-артиллерийским и авиационным обстрелам со стороны азербайджанской армии).

Всего этого не произошло, и трудно судить, был ли отказ Баку от попыток ударов в глубине территории Нагорного Карабаха результатом опасений ответных «сдерживающих» ракетно-артиллерийских ударов карабахской армии по промышленной и энергетической инфраструктуре и крупным населенным пунктам Азербайджана. Возможно, что Азербайджан воздержался от обстрелов крупных населенных пунктов в Нагорном Карабахе, намереваясь ограничиться на начальном этапе лишь локальной военной операцией и пытаясь провести своего рода «разведку боем», стремясь не выйти на уровень эскалации, когда принятие решения о нанесении армянской стороной т.н. «ударов возмездия» будет попросту неизбежной. Примечательно, что уже позднее в одном из своих интервью президент Нагорного Карабаха Бако Саакян заявил, что в ходе апрельской эскалации карабахские войска были готовы к возможным ракетно-артиллерийским ударам по Степанакерту и выдвинули собственные дальнобойные ракетные системы и крупнокалиберные РСЗО для нанесения ответных ударов по целям в глубине территории Азербайджана.

Как бы то ни было, несмотря на беспрецедентную эскалацию, в апреле 2016 г. широкомасштабная война в Карабахе так и не началась. Более того, во время апрельской эскалации в той или иной степени проявились многие элементы военного и политического сдерживания, которые вполне применимы в нынешней военно-политической ситуации вокруг карабахского конфликта (например, не было взаимных широкомасштабных обстрелов крупных городов). В первую очередь, это касается сдерживания вооруженных конфликтов или кризисных военных ситуаций на низком уровне эскалации, или по крайней мере – на уровне, где механизмы и ресурсы военно-политического сдерживания стратегического масштаба не всегда применимы или адекватны. К примеру, опыт локальных конфликтов показывает, что угрозы нанесения ракетных ударов по чувствительным объектам промышленной инфраструктуры противника чаще всего не применяются (или не эффективны) в качестве инструмента сдерживания в ответ на военные действия на уровне небольших подразделений тактического звена.

II

Действия азербайджанской армии в апреле 2016 г. на северном и южном флангах карабахских войск не привели к прорыву первой линии обороны карабахских войск и установлению контроля хотя бы над парой населенных пунктов. В этих условиях азербайджанскому командованию пришлось в

последующие дни апрельских боев 2016 г. импровизировать, с привлечением уже дополнительных резервов, новых частей из глубины своей территории, крупнокалиберных ракетно-артиллерийских систем и т.д.

Азербайджанская сторона успела в боевых действиях в той или иной степени использовать большую часть приобретенных в России за последние годы новых видов вооружения и военной техники, к примеру, РСЗО «Смерч». Впервые также использовались ударные беспилотники и противотанковые ракетные комплексы большей дальности стрельбы израильского производства, некоторые виды новой и усовершенствованной бронетехники российского производства, модернизированные ударные вертолеты Ми-24 и Ми-35, и т.д.. Все это означало переход военного измерения карабахского конфликта уже на качественно новый технологический уровень, существенно отличающийся от реалий карабахской войны 1990-х гг. С самого начала азербайджанская армия также активно использовала на переднем плане свои наиболее подготовленные элитные части и подразделения специального назначения, которые, кстати, (наряду с танковыми подразделениями) и понесли наиболее серьезные потери.

В свою очередь, карабахская армия, за исключением ряда артиллерийских подразделений и частей ПВО центрального подчинения, фактически принимала участие в боях начала апреля 2016 г. преимущественно на уровне своих передовых подразделений (укомплектованных в основном обычными призывниками, усиленными некоторым числом добровольцев и отдельными подразделениями специального назначения). Однако основные силы и средства, а также резервные компоненты Армии обороны НКР так и не успели принять участие в боевых действиях. Не были применены многие из имеющихся на их вооружении современных видов ВВТ.

III

С военной точки зрения четыре дня боевых действий в апреле 2016 г. продемонстрировали, что попытки азербайджанской армии, используя фактор внезапности, прорваться вглубь карабахской территории, имели достаточно ограниченный результат. Вряд ли может считаться серьезным военным успехом продвижение с большими потерями элитных частей азербайджанского спецназа при активной поддержке танков и артиллерии на некоторых участках на крайнем северном (Тальшской) и южном (Горадизком) участках, обороняемых передовыми отрядами карабахских войск, укомплектованных преимущественно призывниками. Азербайджанские спецназовцы сумели пробиться всего лишь к первой оборонительной траншее и занять нескольких передовых опорных пунктов, часть которых к моменту устной договоренности об перемирии от 5 апреля 2016 г. уже была отбита карабахскими войсками.

По всей видимости, для азербайджанской армии продолжает оставаться серьезной проблемой координация действий общевойсковых подразделений, танковых и ракетно-артиллерийских частей, и вряд ли боеспособность и подготовка личного состава азербайджанской армии существенно выросли за последнее время. После потери уже утром 2 апреля двух вертолетов азербайджанская армия так и не решилась на дальнейшее массовое использование боевой авиации, кроме беспилотной. Потеряв свыше двух десятков танков и бронемашин, азербайджанское командование также не решилось использовать основной «ударный ресурс» азербайджанской армии – пойти на массовый танковый прорыв с концентрацией большого количества бронетехники на узком участке фронта, с использованием новейших российских танков Т-90С, БМП-3, другой бронетехники при активной поддержке артиллерии и авиации.

Задачей карабахской стороны в ходе апрельской эскалации было одновременно не допустить широкомасштабные боевые действия и вернуть все передовые позиции по состоянию на 1 апреля 2016 г. Было очевидно, что даже сохранение хоть одного квадратного метра карабахской территории под контролем азербайджанских сил будет воспринято властями Азербайджана и азербайджанским обществом не столько как военный успех, сколько как символическое политическое достижение – демонстрация шаткости сохраняющегося уже почти четверть века военно-политического статус-кво вокруг Нагорного Карабаха.

Выводы и прогнозы

Скоротечность апрельской эскалации не дала возможность в полной мере азербайджанской общественности и элите оценить реальные масштабы, ужасы и цену возможной новой полномасштабной войны в Нагорном Карабахе. Исходя из этого, азербайджанское руководство будет пытаться дальше демонстрировать свою военную решительность. На это у Ильхама Алиева и его команды в настоящее время существует «общественный запрос». При некоторых внешних и внутренних военных и политических обстоятельствах это может вновь подтолкнуть официальный Баку к возобновлению боевых действий различного уровня эскалации в краткосрочной или среднесрочной перспективе.

В этих условиях даже понесенные чувствительные потери в ходе апрельских боев не будут выступать сдерживающим фактором в случае принятия военно-политическим руководством Азербайджана нового решения о возобновлении боевых действий (на что в реальности могут повлиять лишь позиция некоторых ключевых внешних акторов и переоценка азербайджанской стороной военных потенциалов конфликтующих сторон). Азербайджанское руководство, естественно, пытается представить результаты апрельских боев как малозатратную «разведку боем», хотя уже к концу

апреля 2016 г. взаимные артиллерийские обстрелы территорий и населенных пунктов в глубине уже вышли за традиционно ограничиваемые азербайджанской стороной географические рамки, приведя к первым потокам беженцев из приграничных районов Азербайджана.

С учетом вышеуказанных обстоятельств, можно сделать некоторые выводы и прогнозы относительно дальнейшего развития военно-политических и дипломатических процессов вокруг Нагорного Карабаха:

- Несмотря на весьма ограниченные военные достижения по результатам апрельских боев, надежда на военный реванш в Карабахе у азербайджанской стороны сохраняется и даже усиливается уже отмеченным «общественным запросом» внутри Азербайджана. Это восприятие может быть актуальным до тех пор, пока очередная попытка Баку возобновить широкомасштабные боевые действия в Нагорном Карабахе не приведет к кардинально иным результатам. Реализация армянскими сторонами стратегии военно-политического сдерживания хотя и продемонстрировала свои результаты (Азербайджан в апреле 2016 г. так и не решился на полномасштабное возобновление боевых действий), однако полностью исключить новые раунды эскалации вокруг Нагорного Карабаха в ближайшем будущем невозможно.

- В случае новой эскалации по инициативе азербайджанская сторона может опять прибегнуть к действиям, которые будут содержать существенный элемент тактической и даже стратегической неожиданности, с учетом факторов выбора удобного времени и места реализации операции. К примеру, такой может стать попытка захвата азербайджанскими войсками не очередных позиций или высот вдоль линии фронта к востоку от Нагорного Карабаха, а качественно иная операция, включая захват уже целого ряда населенных пунктов в Нагорном Карабахе или имеющей очень важное стратегическое значение позиции (в масштабах уже не ротных или взводных опорных пунктов). В частности, такой может стать попытка захвата Омарского перевала (или равнозначного пункта) в ходе комбинированной воздушно-наземной операции, с использованием десантно-штурмовых авиационных десантов, с использованием большого количества транспортно-десантных вертолетов Ми-8, при поддержке артиллерии, ударных вертолетов и беспилотной авиации.

- В действиях по сохранению сложившегося за долгие годы перемирия переговорного процесса и формата решающую роль сыграла, по всей видимости, позиция Москвы. Российский МИД неоднократно после достижения апрельской договоренности о прекращении огня заявлял, что рассматривает соглашения о достижении перемирия 1994-1995 гг. как «бессрочные» и не видит возможности их замены. Схожую с Москвой позицию в плане сохранения имеющегося переговорного формата и договоренностей по Нагорному Карабаху заняли также и два других сопредседателя – США и

Франция. В этом плане следует предполагать, что в отличие от Баку, международные посредники не предполагают, что по результатам апрельской эскалации 2016 г. произошла серьезная ломка существующего военно-политического и дипломатического статус-кво.

- Российская сторона попыталась активизировать переговорный процесс, показав, что предпринимаются меры, призванные предотвратить повторение апрельских событий в Нагорном Карабахе. Наряду с этим, было очевидно, что российская дипломатия, кроме попыток предотвратить дальнейшую эскалацию между, как это принято классифицировать в Москве, своим стратегическим союзником Арменией и стратегическим партнером Азербайджаном (способную при определенных условиях привести к потере Россией сразу обеих южнокавказских стран) желала также вновь продемонстрировать свою ведущую роль в регионе. Однако не до такой степени, чтобы развалить формат трех сопредседателей Минской группы ОБСЕ, многие годы занимающихся поисками путей мирного урегулирования конфликта. В конце, МГ ОБСЕ является одной из немногих оставшихся политических платформ по взаимодействию, на которой Запад (в лице двух других сопредседателей – США и Франции) и Россия могут вести конструктивный диалог, к примеру, в вопросе мирного урегулирования карабахского конфликта. Концептуального нового в нынешних действиях Москвы нет, как минимум, начиная с Майндорфской декларации ноября 2008 г. - попытки усилить меры доверия в зоне карабахского конфликта после августовской «Пятидневной войны» с Грузией, и последующего раунда переговоров, приведших к созданию так называемого «Казанского документа» 2011 г., который в качестве модификации т.н. «Мадридских принципов» предполагал рамки компромиссного урегулирования (отвергнутого азербайджанской стороной на встрече в Казани, что и привело к свертыванию предыдущих встреч).

- Исходя из этой логики, встреча трех президентов в Санкт-Петербурге в июне 2016 г. максимум могла стать повторением или комбинацией Майндорфской декларации по укреплению мер доверия с попытками выйти на политические договоренности, предусматриваемые «Казанским документом». Для этого, Москве нужно было показать армянской стороне, что создаются гарантии и механизмы по исключению в дальнейшем повтора апрельских событий, которые должны стать необходимым предусловием для формирования предпосылок для переговоров «по существу». С другой стороны – продемонстрировать Баку, что нынешняя ситуация еще не означает новой заморозки переговорного процесса по карабахскому урегулированию и укрепления нового статус-кво вокруг Нагорного Карабаха, но при этом азербайджанской стороне нужно согласиться на создание необходимых предпосылок для начала реальных переговоров, в виде гарантий тех же самых мер доверия. В результате, в Санкт-Петербурге предсказуемо

получилось расплывчатое и неопределенное заявление, с пунктом о согласии сторон «увеличить число международных наблюдателей в зоне конфликта», выразивших «удовлетворение сохраняющимся в последнее время режимом перемирия на линии соприкосновения».

- Весьма сомнительно, что азербайджанская сторона в нынешних условиях пойдет на полноценное соблюдение режима перемирия, ибо в таком случае Баку лишится главного своего рычага давления как на переговорный процесс, так и на дальнейшее развитие карабахского конфликта – угрозу возобновления боевых действий. С другой стороны, все попытки Баку ускорить карабахское урегулирование в реальности скрывают лишь постоянное желание азербайджанской стороны вырвать из контекста Мадридских принципов отдельные элементы, которые соответствуют интересам Азербайджана (например, вопросы территорий и беженцев). Но при этом избежать в переговорном пакете тех положений, которые исходят уже из интересов армянских сторон (в первую очередь, вопроса статуса Нагорного Карабаха и механизмов его определения, а также действенных гарантий безопасности). Естественно, армянские стороны на это не идут, рассматривая, как и все три сопредседателя МГ ОБСЕ, Мадридские принципы как единый пакет договоренностей, принятие которого возможно лишь в случае достижения согласия по всем его пунктам. В конце концов, ведь именно по этой причине Баку в 2011 г. и провалил принятие «Казанского документа», предложенного Россией, как впрочем и иных модификаций «Мадридских принципов».

- Соответственно, в обозримом будущем азербайджанское руководство встанет перед дилеммой политического выбора: либо адаптироваться под новый, более сложный статус-кво, пытаясь представить собственной общественности апрельские события как серьезный успех и тем самым оправдать очередной раунд бесплодных переговоров (при посредничестве РФ и МГ ОБСЕ), даже если они и будут затрагивать «существенные проблемы», так как пойти на взаимный компромисс с армянскими сторонами по формуле «некоторые территории в обмен на четко зафиксированный статус» Нагорного Карабаха Баку в нынешних условиях пойти не сможет. Либо азербайджанское руководство может вновь прибегнуть к военной эскалации в зоне карабахского конфликта, которая, впрочем, на этот раз с большей вероятностью не будет уже ограниченной и локальной, а может перерасти в полномасштабную войну, с непредсказуемыми военными, военно-политическими и иными последствиями и потерями, в первую очередь – для ее инициатора.